

Часть вторая. В поисках нового общества

Анархизм не утопичен

В той степени, в какой анархизм стремится быть конструктивным, он, прежде всего, отвергает обвинение в утопизме. Для того чтобы доказать, что предлагаемое им будущее общество не его собственная выдумка, а результат скрытой от глаз работы предшествующих периодов, анархизм прибегает к методу исторического исследования. Прудон утверждал, что человечество под гнётом неумолимой системы власти, подавлявшей его в течение шестидесяти веков, спасалось лишь «тайной добродетелью»: «Под спудом правительственного аппарата, в тени политических институтов, общество медленно и молчаливо создавало свой собственный организм; оно строило новый порядок, бывший выражением его собственной жизнеспособности и собственной автономии».

Каким бы вредоносным ни было правительство, оно содержит в себе своё собственное отрицание. Оно всегда представляло собой «явление коллективной жизни, внешнее выражение нашего права, проявление социальной стихийности, подготовку человечества к высшему состоянию. То, что человечество ищет в религии и именует богом, есть оно само. То, что гражданин ищет в правительстве, (...) есть также он сам, это — свобода». Французская революция ускорила это неизбежное продвижение в сторону анархии: «В тот день, когда наши отцы (...) возвели в принцип свободное выражение способностей человека и гражданина, с того самого дня власть была отринута небом и землёй, а правительство, даже путём делегирования, стало невозможным».

Промышленная революция завершила дело. По её окончании политика была отодвинута на второй план и подчинена экономике. Государство более не могло избегать прямой конкуренции между производителями и превратилось в нечто, подобное центру согласования интересов. Формирование пролетариата завершило эту эволюцию. Власть, несмотря на то, что она это отрицала, выражала собой отныне только социализм. «Кодекс Наполеона настолько же неспособен служить новому обществу, как и республика Платона: в течение нескольких лет абсолютный закон собственности будет повсеместно заменён относительным, гибким законом промышленного сотрудничества, что приведёт к перестройке всего этого картонного домика снизу доверху».

В свою очередь, Бакунин признавал «огромную и неоценимую услугу, оказанную всему человечеству Французской революцией, детьми которой мы все являемся». Принцип власти

был навсегда устранён из сознания людей, а порядок, устанавливаемый кем-то свыше, стал теперь невозможен. Остаётся лишь организовать общество так, чтобы оно могло существовать без правительства. Здесь Бакунин рассчитывал на традиции самого народа. «Несмотря на назойливую и разрушительную опеку государства», массы на протяжении веков «стихийно развивали в лоне своём если и не все ещё, то во всяком случае многие основные элементы материального и морального порядка, являющегося основой подлинного единства людей».

Необходимость организации

Анархизм отнюдь не считает себя синонимом дезорганизации, беспорядка. Прудон первым провозгласил, что анархия — не беспорядок, но порядок, естественный порядок в противоположность порядку искусственному, навязанному сверху, истинное единство в противоположность ложному единству, порождённому угнетением. Общество такого типа «мыслит, выражается и действует как один человек именно потому, что представлено теперь не одним человеком, потому что больше не признаёт личной власти и, как Паскалева бесконечность[43], имеет центр в любой точке, а края не имеет вовсе». Анархия — то «организованное, живое общество», «высшая степень свободы и порядка, какую только может достичь человечество». Возможно, некоторые анархисты считали иначе, но итальянец Эррико Малатеста осаживал их:

«Полагая, под влиянием полученного авторитарного воспитания, что власть есть душа социальной организации, для борьбы с властью они борются с организацией и отвергают её. (...) Основная ошибка анархистов-противников организации заключается в том, что они думают, что организация невозможна без власти, и в силу этого предпочитают скорее вообще отказаться от организации, чем согласиться на малейшую власть. (...) Но если бы мы считали, будто организации без власти не существует вовсе, мы были бы авторитариями, поскольку мы бы предпочли, на худой конец, власть, которая ставит преграды жизни и делает её грустной, дезорганизации, при которой жизнь невозможна».

Уже в XX веке анархист Волин так осветил и развил эту идею:

«Согласно расхожему ошибочному — или умышленно неточному — толкованию, либертарная концепция не предусматривает никакой организации. Это в корне неверно. Речь идёт не об «организации» или её отсутствии, а о двух различных принципах организации. (...) Разумеется, утверждают анархисты, общество должно быть организовано. Но эта новая, естественная и отныне возможная организация должна осуществляться в обществе свободно и, главное, снизу. Организационный принцип должен исходить не из заранее созданного центра, навязывающего свою волю всему обществу, а — отовсюду, и завершиться образованием координационных органов, естественных центров, призванных служить всему народу. (...) Другой способ «организации», позаимствованный из прежнего общества угнетения и эксплуатации (...), лишь увеличил бы все пороки старой системы. (...) Она могла бы существовать лишь с помощью новых уловок, обмана, насилия, угнетения и эксплуатации».

Иными словами, анархисты не только сторонники подлинной организации, но и, как признаёт Анри Лефевр[44] в своей работе о Парижской Коммуне, «первоклассные организаторы». Однако, по мнению этого философа, здесь можно заметить «довольно любопытное противоречие, которое мы постоянно видим в истории рабочих движений вплоть до нынешнего времени, в особенности в Испании». В действительности же, это может «шокировать» лишь тех, кто заведомо считает либертариев дезорганизаторами.

Самоуправление

В то время как «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, составленный в начале 1848 г., накануне февральской революции [во Франции], не видел другого решения, — по крайней мере на долгий переходный период, — как сосредоточение в руках всеобъемлющего государства всех средств производства, и заимствовал у Луи Блана[45] авторитарную идею о необходимости объединения всех промышленных и сельскохозяйственных рабочих в «промышленные армии», Прудон первым предложил антигосударственную концепцию экономического управления.

Февральская революция породила в Париже и Лионе тьму стихийных ассоциаций рабочих, занятых в производстве. Это зарождающееся самоуправление означало для Прудона эпохи 1848 г. гораздо больше, чем политическая революция, и представляло собой «революционный факт». Оно не было выдумано теоретиком, не проповедовалось доктринами. Не государство дало первый толчок к нему, его осуществил сам народ. Прудон призывал рабочих организовываться подобным образом во всех областях республики, объединяясь сначала на небольших частных предприятиях, в торговле и мелкой промышленности, затем в рамках крупных частных предприятий и, наконец, на самых больших производствах (на шахтах, каналах, железных дорогах и т. д.), тем самым «становясь хозяевами всего».

В наши дни принято пенять Прудону на его, безусловно, наивные и, без сомнения, антиэкономические высказывания в поддержку сохранения мелких мастерских и торговых предприятий. Его идеи на этот счёт были неоднозначны. Прудон представлял собой живое противоречие. Он бичевал собственность, источник несправедливости и эксплуатации, но испытывал к ней слабость в той мере, в которой он усматривал в ней залог личной независимости. Более того, на Прудона слишком часто влияло то, что Бакунин называл «маленькой прудоновской кликой», которая собралась вокруг него в последние годы его жизни. Эта довольно-таки реакционная группа была мертворождённой. Она тщетно пыталась в Первом Интернационале противопоставить частную собственность на средства производства коллективизму. Кружок этот оказался недолговечным, главным образом, потому, что большинство его участников, легко переубеждённых аргументами Бакунина, вскоре отказалось от так называемых прудоновских концепций в пользу коллективизма.

К тому же, этот последний оплот «мютюэлистов», как они себя называли, отвергал коллективную собственность лишь частично: они противились ей исключительно в области сельского хозяйства ввиду индивидуализма французского крестьянина, но допускали её в области транспорта, а в сфере управления промышленностью даже требовали её, впрочем,

отвергая это название. Страшились же они этого названия в основном потому, что боялись временного единого фронта, образованного против них коллективистами, учениками Бакунина, и «авторитарными» марксистами, лишь слегка маскировавшими своё стремление к государственному управлению в экономике.

На самом деле Прудон шёл в ногу со временем. Он понимал, что нельзя повернуть время вспять. Он был в достаточной мере реалистом, чтобы понимать, как он пишет в своих «Записных книжках», что «мелкая промышленность — понятие столь же нелепое, как и мелкая культура». Что же касается крупной современной индустрии, требовавшей значительных трудовых ресурсов и развитой механизации, то тут он был решительным коллективистом: «В будущем крупномасштабная индустрия и широкая культура должны объединиться». «У нас нет выбора в этом вопросе», — заключал он и приходил в негодование, когда кто-либо предполагал, что он выступал против технического прогресса.

Но его коллективизм столь же категорически отвергает государственность. Собственность должна быть отменена. Коммуна (в понимании «авторитарного» коммунизма) — есть угнетение и рабство. Иначе говоря, Прудон стремился к сочетанию коммуны и собственности. В этом заключалась его идея ассоциации. Средства производства и обмен не должны управляться ни капиталистическими компаниями, ни государством. Поскольку для людей, которые в них заняты, они являются тем же, чем «улей является для пчёл», они должны управляться объединениями рабочих, и только таким образом коллективная сила перестанет «отчуждаться» ради выгоды немногих эксплуататоров.

«Нам, объединившимся или стоящим на пути объединения производителям, — пишет Прудон в стиле манифеста, — нет нужды в государстве. (...) Эксплуатация со стороны государства всегда есть монархия, наёмный труд. (...) Мы не хотим управления человека человеком, как не хотим и эксплуатации человека человеком. Социализм — противоположность государственности. (...) Мы хотим, чтобы эти ассоциации явились (...) ядром обширной федерации товариществ и обществ, объединённых общими узами демократической и социальной республики».

Вдаваясь в подробности рабочего самоуправления, Прудон детально перечисляет его основные черты:

- Любой человек, вошедший в ассоциацию, имеет неотъемлемое право на часть имущества компании.
- Каждый рабочий обязан осуществлять свою долю тяжёлых и непривлекательных работ.
- Рабочий должен пройти через выполнение различных работ и получение разнообразных знаний, через различные должности и квалификации, обеспечивающие его энциклопедическое образование и обучение. Прудон особенно настаивает на том, чтобы «рабочий прошёл через всю серию операций, относящихся к области производства, в которой он занят».
- Должности являются выборными, а правила и устав подлежат одобрению всех участников.

- Вознаграждение должно быть пропорционально типу деятельности, степени навыка и ответственности. Каждый член ассоциации участвует в прибылях пропорционально оказанным им услугам.
- Каждый имеет право добровольного выхода из ассоциации. Каждый имеет право самостоятельно распределять своё время и передавать свои права.
- Входящие в ассоциацию трудящиеся выбирают своих мастеров, инженеров, архитекторов, бухгалтеров. Прудон настаивает на том обстоятельстве, что в среде пролетариата ещё недостаточно технических специалистов, в силу чего необходимо привлекать к рабочему самоуправлению «известных промышленников и коммерсантов», которые обучали бы рабочих ведению дел и получали бы за это твёрдое вознаграждение: «всем найдётся место под солнцем революции».

Эта либертарная концепция самоуправления диаметрально противоположна патерналистскому и государственному управлению, предложенному Луи Бланом в его проекте декрета от 15 сентября 1849 г. Автор «Организации труда» хочет создавать рабочие объединения под эгидой государства, финансируемые государством. Он предусматривает для таких ассоциаций авторитарное распределение прибылей в следующей пропорции:

- 25% в амортизационный фонд;
- 25% в фонд социального обеспечения;
- 25% в резервный фонд;
- 25% для распределения между рабочими.

Прудон и слышать ничего не желает об управлении подобного типа. Для него все объединившиеся в ассоциации трудящиеся должны не «подчиняться государству», а «сами быть государством». «Ассоциация (...) может всё сделать, всё преобразовать без помощи власти, захватить и подчинить себе саму власть». Прудон хочет «идти к управлению через ассоциацию, а не через управление к ассоциации». Он предупреждает от заблуждения, что государство, в той форме, в которой его себе мыслят «авторитарные» социалисты, допустит свободное самоуправление. И действительно, как сможет оно вынести «рядом с централизованной властью образование враждебных ей очагов»? Прудон провидчески предостерегает: «Ничего невозможно сделать в результате инициативы, стихийности, независимого действия личностей и коллективов, пока существует колоссальная сила, сообщённая государству централизацией».

Необходимо отметить, что именно либертарная, а не государственная концепция управления превалировала на конгрессах Первого Интернационала. Когда докладчик на Лозаннском конгрессе (1867), бельгиец Сезар де Пап,[46] предложил, чтобы государство стало владельцем национализируемых предприятий, Шарль Лонге,[47] в то время анархист, заявил: «Согласен, но при условии, что мы договоримся об определении государства как «коллектива граждан» (...) и о том, что эти службы будут исполняться не государственными чиновниками, (...) а рабочими товариществами». Дебаты возобновляются через год на Брюссельском конгрессе (1868), и тот же докладчик вносит на этот раз подготовленное уточнение: «Коллективная собственность будет принадлежать обществу в целом, но будет находиться в распоряжении рабочих ассоциаций. Государство будет представлять собой

лишь федерацию различных рабочих ассоциаций». Уточнённая таким образом резолюция была принята.

Однако оптимизм, проявленный Прудон в 1848 г. по отношению к самоуправлению, был опровергнут фактами. Несколько лет спустя, в 1857 г., Прудон подвергает существующие рабочие объединения суровой критике. Вдохновлённые наивными утопическими иллюзиями, они заплатили дорогую цену за недостаток опыта. Они впали в партикуляризм и исключительность. Они начали функционировать, как коллективные эксплуататоры, поскольку были воспитаны на идеях иерархии и господства. Все пороки капиталистических предприятий «ещё более разрослись в этих, якобы братских, товариществах». Их раздирали разногласия, соперничество, отступничество, измена. Едва научившись ведению дел, их руководители и управляющие уходили и «открывали своё дело, как хозяева и буржуа». В некоторых случаях сами участники ассоциаций требовали раздела имущества. Из сотен созданных в 1848 г. объединений девять лет спустя осталось всего около двадцати.

Прудон противопоставляет этому узкому и партикуляристскому мышлению концепцию «всеобщего» и «синтетического» самоуправления. Ведь задача будущего — то гораздо больше, чем просто «объединение в ассоциации нескольких сотен рабочих», это «экономическое возрождение нации, составляющей 36 миллионов душ». Будущие рабочие объединения должны, «вместо того чтобы действовать в пользу немногих», работать для всех. Самоуправление требует, следовательно, «определённого воспитания» самоуправляющихся. «Членом ассоциации отнюдь не рождаются, им становятся». Наиболее трудная задача ассоциаций — «цивилизовать своих членов». Ассоциациям не хватало «людей, вышедших из чрева трудящихся масс и научившихся в школе эксплуататоров обходиться без них». Иначе говоря, важнее образовать «человеческий фонд», чем «массу капиталов».

В правовом отношении Прудон первоначально намеревался передать рабочим объединениям право собственности на их предприятия. Теперь же он отвергает такое партикуляристское решение. Чтобы сделать это, он вводит различие между владением и собственностью. Собственность может быть монархической, аристократической, феодальной, деспотичной; владение же — демократическим, республиканским, эгалитарным, что состоит в узурпаторском пользовании[48] непередаваемой и неотчуждаемой концессией. Производители должны получать в качестве «аллода»[49], как древние германцы, орудия и средства производства. Но они не должны становиться их собственниками. Это должно заменить собственность, должно стать федеративным совладением, но не государства, конечно, а совокупности производителей, объединённых в широкую сельскохозяйственную и промышленную федерацию.

Прудон выражал огромный энтузиазм по поводу будущего таких пересмотренных и исправленных форм самоуправления: «Это не плод пустого красноречия, это — экономическая и социальная необходимость: близится время, когда мы сможем жить исключительно на этих новых условиях. (...) Классы (...) должны вылиться в одно единое объединение производителей». Достигнет ли успеха самоуправление? «От ответа, который будет дан (...), зависит всё будущее трудящихся. Если этот ответ утвердительный, то перед человечеством откроется новый мир; если же он будет отрицательным, то пролетарий

может быть уверен (...): нет у него в этом бренном мире ни малейшей надежды».

Основы обмена

На какой же основе должен был быть организован обмен между различными рабочими объединениями? Прудон утверждал поначалу, что меновая стоимость любого товара должна измеряться количеством затраченного труда. Различные производственные объединения сбывают свои изделия по себестоимости. Рабочие получают вознаграждение в виде «трудовых талонов» и покупают в меновых конторах или социальных магазинах товары по себестоимости, выраженной в количестве рабочих часов. Наиболее важный обмен производится путём компенсационного клиринга[50] или через Народный банк, который принимает к оплате трудовые талоны. Этот банк представляет собой одновременно и кредитное учреждение. Он даёт в заём рабочим производственным объединениям суммы, необходимые для их нормального функционирования. Эти ссуды выдаются без начисления процентов.

Эта схема, получившая название «мютюэлизма», была, конечно, немного утопична и не могла быть воплощена в жизнь в условиях капиталистической системы. В 1849 г. Прудон организовал подобный Народный банк, к которому в течение шести недель присоединились около 20 тысяч человек, но просуществовал он недолго. Конечно, было преждевременно думать, что принципы взаимообмена, подобно маслу на горячей сковороде, растекутся повсюду, и вслед за Прудоном утверждать, что «это воистину новый мир, обетованное новое общество, которое будучи привитым к старому, видоизменяет его».

Вопрос о вознаграждении, основанном на оценке затраченного рабочего времени, по разным причинам спорен. «Либертарные коммунисты» школы Кропоткина, Малатесты, Элизе Реклю, Карло Кафiero[51] не преминули раскритиковать такую систему. Прежде всего, они считали её несправедливой. «Три часа работы Пьера, — замечает в качестве возражения Кафiero, — зачастую могут стоить пяти часов работы Поля». Помимо продолжительности, стоимость труда должна определяться и другими факторами: интенсивностью работы, наличием профессиональных и интеллектуальных навыков и пр. Следует также принять во внимание и семейные обстоятельства рабочих.[52] Кроме того, при коллективистском режиме трудящийся остаётся рабочим по найму, рабом общества, которое покупает и контролирует его труд. Оплата труда на основе количества отработанных часов не может быть идеальным решением проблемы; в лучшем случае это может быть временной мерой. Необходимо покончить с моралью, почерпнутой в бухгалтерских реестрах, с философией «дебета — кредита». Такой способ вознаграждения основан на умеренном индивидуализме, находящемся в противоречии с коллективной собственностью на средства производства. Он не может привести к глубокому революционному преобразованию человека. Он несовместим с «анархией». Новая форма владения требует наличия новой формы оплаты труда. Услуги, оказываемые обществу, не могут быть оценены в денежных единицах. Необходимо, чтобы потребности превалировали над услугами. Продукты труда всех должны принадлежать всем, и каждый может свободно забирать свою долю. «Каждому по потребностям» — таков должен быть девиз «вольного коммунизма».

Кропоткин, Малатеста и их последователи как будто не заметили, что Прудон предвосхитил их критику и пересмотрел свои ранние идеи. В книге «Теория собственности», опубликованной посмертно, он объяснял, что поддерживал идею равной оплаты за равное количество труда лишь в «Первой записке о собственности» 1840 г.: «Я забыл сказать две вещи: во-первых, что труд измеряется в зависимости от его продолжительности и, одновременно, от его интенсивности; во-вторых, что нельзя включать в заработную плату трудящегося ни покрытие расходов на обучение, ни труд, произведённый им в качестве неоплачиваемого подмастерья, ни страховую премию за риск, которому он подвергается и который далеко не одинаков в каждой профессии». Прудон утверждал, что в более поздних работах «исправил» эти «упущения»; позже он предлагал, чтобы кооперативные ассоциации взаимного страхования компенсировали неравные издержки и риски. Более того, Прудон считал, что вознаграждение, выплачиваемое членам рабочих ассоциаций, это не «зарплата», а раздел благ, решение о котором свободно принимают рабочие-члены ассоциации, несущие равную ответственность. В неопубликованной статье Пьер Гаубтманн, один из современных последователей Прудона, отмечает, что самоуправление рабочих не имело бы смысла, если бы не интерпретировалось именно в таком ключе.

Последователи Кропоткина и некоторые другие анархисты полагают должным ставить в вину Прудону, равно как и более последовательному бакунинскому коллективизму, то, что те не пожелали предусмотреть, в какой форме будет осуществляться вознаграждение за труд при социалистическом режиме. Но, по-видимому, эти критики упускают из виду, что оба основателя анархизма не стремились преждевременно заключать общество в жёсткие рамки. В этом вопросе они хотели оставить самоуправляющимся ассоциациям широкую свободу выбора. Обоснование такой гибкости и такого отказа от поспешных решений дадут сами «либертарные коммунисты», когда начнут подчёркивать, что при идеальном режиме «продуктов труда будет больше чем достаточно для всех» и что «буржуазные» способы выплаты вознаграждения могут быть заменены «коммунистическими» способами лишь после того, как наступит эра всеобщего изобилия, но не раньше. Составляя в 1884 г. программу анархистского Интернационала, находившегося тогда ещё в своём младенчестве, Малатеста признаёт, что коммунизм может быть немедленно осуществлён лишь в строго ограниченных областях, а в отношении «всего остального» придётся «в течение переходной меры» согласиться на коллективизм.

«Чтобы коммунизм стал возможным, потребуются серьёзное моральное воспитание членов общества и развитие в них высокого и глубокого чувства солидарности, для возникновения которого недостаточно революционного пыла, тем более что в самом начале не будет материальных условий, способствующих такому развитию».

В канун Испанской революции 1936 г., когда анархизм подвергся испытанию на практике, Диего Абад де Сантильян доказывал практически в тех же самых терминах невозможность немедленного воплощения на практике либертарного коммунизма. По мнению Сантильяна, капиталистическая система не подготовила людей к коммунизму: она не только не воспитывает в них социальные инстинкты и чувство солидарности, но, напротив, любыми способами стремится к искоренению и притуплению подобных чувств.

Сантьяго приводит в пример революционный опыт России и других стран, заклиная анархистов быть большими реалистами. Он обвинил их в том, что к наиболее свежим урокам истории они относятся предвзято или с подозрением. Сомнительно, — утверждал он, — что революция сразу же приведёт нас к осуществлению нашего анархо-коммунистического идеала. На первом этапе революции коллективистский лозунг «Каждому по труду» больше подойдёт к реальной ситуации, чем идеи коммунизма, потому что экономика будет в разрухе, производство значительно снизится, а приоритетом станет обеспечение самым необходимым. Те экономические модели, которые будут избраны, в лучшем случае будут лишь медленно эволюционировать по направлению к коммунизму. Резко загнать людей в клетку, заключить их в жёсткие рамки социальной жизни будет означать переход к авторитарной позиции, которая в свою очередь явится препятствием эволюции. Мютюэлизм, коммунизм, коллективизм — всё это лишь различные способы достижения одной и той же цели. Возвращаясь к разумному эмпиризму, рекомендованному Прудоном и Бакуниным, Сантьяго требует для будущей Испанской революции права на свободный эксперимент: «В каждом населённом пункте, в каждой сфере будет реализована та степень коммунизма, коллективизма или же мютюэлизма, которая может быть достигнута».

На самом деле, как мы увидим далее, опыт испанских «коллективов» 1936 г. продемонстрировал, какие трудности влечёт за собой преждевременное воплощение на практике полного коммунизма.

Конкуренция

Из всех норм и правил, унаследованных от буржуазной экономики, одна ставит щекотливую проблему, если она сохранится в коллективистской или самоуправляемой экономике. Речь идёт о конкуренции. По мнению Прудона, она является «выражением социальной спонтанности», залогом «свободы» объединений. Более того, в течение долгого времени конкуренция будет, по его мнению, «незаменимым стимулом», в отсутствие которого и без того напряжённая промышленная деятельность выродилась бы во «всеобщее отлынивание» от работы. Прудон уточняет:

«Рабочая ассоциация обязуется поставлять обществу товары и услуги по ценам, минимально разнящимся с себестоимостью производства. Таким образом, рабочие ассоциации запрещают себе какие-либо слияния [монопольного типа], подчиняют себя закону конкуренции, а свою отчётность делают прозрачной для общества; оно, в свою очередь, оставляет за собой — в качестве адекватной меры надзора — право распустить такое объединение». «Конкуренция и ассоциация основываются друг на друге. (...) Досаднейшей ошибкой социализма является то, что он расценивает её [конкуренцию], как ниспровержение общества. Но не может быть (...) и речи об уничтожении конкуренции. (...) Необходимо привести её в равновесие, я бы даже сказал, установить нечто вроде полицейского контроля».

Верность Прудона принципу конкуренции навлекла на себя сарказм Луи Блана: «Нам никогда не понять тех, кто придумывает какую-то загадочную случку двух противоположных принципов. Прививка ассоциации на древо конкуренции — идея убогая:

это всё равно как заменить евнухов гермафродитами». Луи Блан, в свою очередь, хотел бы «прийти к единообразной цене», устанавливаемой государством, и воспретить всяческую конкуренцию между цехами, работающими в одной и той же области промышленности. Прудон в ответ возражает, заявляя, что цена «устанавливается лишь конкуренцией, то есть возможностью для потребителя (...) обойтись без услуг того, кто запрашивает за них слишком высокую цену (...)». «Уберите конкуренцию, и общество, лишённое движущей силы, остановится, словно часы, пружина которых ослабла».

Конечно, Прудон не закрывал глаза и на недостатки конкуренции, которые он очень полно описал в своём трактате о политической экономии. Он прекрасно понимал, что она — источник неравенства. Он признаёт, что «в конкуренции победу одерживают наиболее крупные батальоны». Когда она «анархична» (в уничижительном смысле слова) и существует лишь в угоду частным интересам, то неуклонно порождает гражданскую войну, а, следовательно, в конечном счёте, олигархию. «Конкуренция убивает конкуренцию».

Впрочем, он считал, что и отсутствие конкуренции не менее пагубно. Рассматривая в качестве примера табачную промышленность, он отмечал, что её продукты слишком дороги, а предложение неадекватно просто потому, что она в течение долгого времени оставалась монополией, свободной от конкуренции. Если бы такая ситуация существовала во всех отраслях промышленности, страна никогда бы не смогла свести баланс доходов и расходов.

Но конкуренция, о которой мечтает Прудон, не есть предоставленная сама себе конкуренция капиталистической экономики. Это конкуренция, которой придан высший «социализирующий» её смысл, конкуренция, стремящаяся действовать на основе справедливого обмена, в духе солидарности и при сохранении индивидуальной инициативы; она принесёт обществу те самые богатства, которые уводит у него и расхищает в настоящее время частнокапиталистическое присвоение.

Очевидно, что в этой идее было нечто утопическое. Конкуренция и так называемая рыночная экономика неизбежно ведут к неравенству и эксплуатации даже в том случае, если изначально все поставлены в равные условия. Эту систему невозможно совместить с самоуправлением рабочих иначе как на временной основе, как неизбежное зло, пока: 1) среди рабочих не выработается психология «честного обмена», и, что важнее, 2) общество в целом не перейдёт от существования в условиях постоянной нехватки товаров к существованию в изобилии, когда конкуренция потеряет свой смысл.

Даже и в течение такого переходного периода, впрочем, представляется целесообразным ограничить конкуренцию сектором потребительских товаров (как это было сделано в Югославии), в котором, по крайней мере, она обладает тем преимуществом, что защищает интересы потребителя.

Кропоткинская школа и некоторые другие анархические течения нападают на коллективистскую экономику прудоновского типа, основанную на принципе борьбы, когда между соревнующимися сторонами устанавливается равенство в исходной точке лишь для того, чтобы бросить их затем в битву, из которой несомненно выйдут победители и побеждённые; когда обмен изделиями будет, в конечном счёте, производиться по принципу

спроса и предложения, «что погрузит [общество] в полную конкуренцию, в самый обычный буржуазный мир». Такие речи сильно напоминают те, что произносятся в наши дни против югославского опыта некоторые его хулители из коммунистического лагеря.[53] Они питают к самоуправлению в целом такую же враждебность, какую вызывает у них конкурентная рыночная экономика, как если бы оба эти понятия по своей сущности и на вечные времена были неотделимы друг от друга.

Единство и планирование

При любых обстоятельствах Прудону было очевидно, что там, где управление осуществляется рабочими ассоциациями, оно должно быть единым. Он особо отмечал «необходимость централизации и единства» и задавался вопросом: «Разве те рабочие объединения, которые формируются с целью управления тяжёлой индустрией, не являются выражением единства?» «На место политической централизации мы ставим централизацию экономическую». Однако страх перед авторитарным планированием всё-таки заставлял его инстинктивно предпочитать конкуренцию солидаристского толка. Уже позднее анархизм стал проводником либертарной и демократической формы планирования, выработанной снизу вверх федерацией самоуправляемых предприятий.

Бакунин предвидел, что самоуправление открывает перспективы для планирования в мировых масштабах:

«Рабочие кооперативные объединения — новое явление в истории; мы присутствуем сегодня при их зарождении, и сейчас мы можем лишь предполагать, но не утверждать, гигантское их развитие, которое, без сомнения, произойдёт, а также новые политические и социальные условия, которые из этого проистекут в будущем. Возможно, и даже более чем вероятно, что, выйдя однажды за пределы местностей, областей и даже нынешних государств, они породят новое устройство всего человеческого общества, которое тогда будет подразделено не на нации, а на промышленные группы».

Тогда они образуют «огромную экономическую федерацию» во главе с верховной ассамблеей. На основе «всемирной статистики, данных, столь же полных, сколь и обширных», такая ассамблея уравнивала бы спрос и предложение, направляла бы мировое промышленное производство, распределяла бы его между странами таким образом, что более не было бы, или почти не было бы, торговых или промышленных кризисов, вынужденного застоя, бедствий, растрачивания капиталов и впустую затраченного труда.

Полная социализация?

Прудоновская концепция управления посредством рабочих объединений была двусмысленна. Не всегда уточнялось, будут ли самоуправляемые предприятия соревноваться с предприятиями капиталистическими, одним словом, будет ли, как в случае с современным Алжиром,[54] социалистический сектор сосуществовать с частным сектором,

или же, напротив, всё производство будет социализировано и самоуправляемо.

В свою очередь, Бакунин был последовательным коллективистом. Он ясно видел опасность в параллельном существовании двух секторов. Даже объединённым в ассоциацию рабочим никогда не удастся собрать достаточный капитал, средства производства, чтобы успешно конкурировать с крупным капиталом, накопленным буржуазией. Существовала также опасность того, что капиталистическая среда отравила бы рабочие ассоциации настолько, что внутри них возник бы «новый класс эксплуататоров труда пролетариата».

Самоуправление содержит в себе зёрна полного экономического освобождения трудящихся, но ростки из них смогут пробиться лишь тогда, когда «капитал, промышленные предприятия, сырьё и орудия труда... станут коллективной собственностью рабочих союзов, употребляемой как в промышленном, так и в сельскохозяйственном производстве, а это производство станет свободно организовываться и федерироваться внутри себя».

«Общественное переустройство не может произойти в радикальной и решительной манере, если не будет подвергаться изменениям всё общество целиком», то есть если не произойдёт социальная революция, которая превратит частную собственность в коллективную. В такой социальной организации рабочие будут коллективно своими собственными капиталистами, своими собственными хозяевами. В личной собственности останутся лишь «те вещи, которые и в самом деле нужны лишь для личного использования».

Но, пока социальная революция не свершилась, Бакунин, признавая за производственными кооперативами способность приучать рабочих к организации и ведению дел собственными силами, и отмечая, что кооперативы закладывают основы коллективного рабочего движения, всё же считал, что такие островки в лоне капиталистического общества будут лишь ограниченно эффективны. И он призывает рабочих «заниматься в первую очередь забастовками, а не кооперативами».

Рабочий синдикализм

Бакунин также был высокого мнения о роли, которая отведена профсоюзам, «естественным организациям масс» и «единственному эффективному оружию рабочих в борьбе с буржуазией». Для того, чтобы рабочий класс полностью осознал, чего он хочет, и для того, чтобы заронить в нём социалистическую идею, отвечающую его инстинкту, чтобы организовать пролетарские силы вне буржуазного радикализма, Бакунин в гораздо большей степени рассчитывает на профсоюзное движение, чем на идеологов. Будущее, по его мнению, принадлежит национальным и международным отраслевым федерациям профсоюзов.

На первых конгрессах Интернационала рабочий синдикализм не упоминался явно. Но начиная с Базельского конгресса 1869 г., он из-за влияния анархистов вышел на первый план в повестке дня: после отмены наёмного труда, профсоюзы образуют зародыш будущего управления; правительство будет заменено советами различных отраслей.

Позднее, в 1876 г. ученик Бакунина Джеймс Гильом[55] написал книгу «Идеи о социальной организации», в которой включил рабочий синдикализм в рамки самоуправления. Он

выступал за создание корпоративных федераций рабочих в каждой конкретной отрасли «не для того, чтобы, как раньше, защищать свою зарплату от притязаний со стороны жадных хозяев, а (...) для обеспечения взаимных гарантий доступа к средствам труда, которые в результате соответствующих общих договорённостей стали бы коллективной собственностью всей корпоративной федерации». Такие федерации, в соответствии с перспективами, намеченными Бакуниным, будут играть роль в планировании производства.

Тем самым заполнялся один из пробелов самоуправления, в том виде, в котором наметил его Прудон. В нарисованных им перспективах не хватало одного: таких связей между различными объединениями производителей, которые препятствовали бы им вести дела в эгоистическом духе, смотреть на всё «со своей колокольни», не заботясь об общих интересах и игнорируя другие самоуправляемые предприятия. Рабочий синдикализм венчал всё это сооружение: он осуществлял самоуправление. Он представляется орудием планирования и обеспечения единства производства. (В наши же дни, выродившийся синдикализм превратился в приводной ремень между объединениями предпринимателей и наёмными работниками.)

Коммуны

В ранний период своей деятельности Прудон интересовался практически исключительно проблемой экономической организации нового общества. Его недоверие ко всему, что касалось «политики», привело к тому, что он пренебрёг проблемой территориального управления. Он довольствовался указанием на то, что рабочие должны занять место государства, сами стать государством, но он не уточнял, в каких именно формах. В последние годы его жизни «политическая» проблема, которую он рассматривает в анархистской манере, то есть снизу вверх, занимает его всё больше. Люди образуют в своей среде, на местном уровне, то, что он именует естественной группой, «представляющей собой небольшой город или политическую организацию, и утверждающую своё единство, свою независимость, свою жизнь или своё собственное движение, свою автономию». «Подобные группы, расположенные в непосредственной близости друг от друга, могут иметь общие интересы; разумеется, если они уживаются и ладят друг с другом, то они объединяются для обеспечения взаимной безопасности и взаимного страхования, образуют группу более высокого уровня». Но здесь призрак ненавистного государства продолжает преследовать мыслителя-анархиста, и он пишет, что никогда, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах местные группы, «объединяющиеся для гарантии своих интересов и развития своего благосостояния, (...) не отступят, не принесут самих себя в жертву новому Молоху».

Тем не менее Прудон относительно чётко определяет автономную коммуны. Она представляет собой, по сути, «суверенное существо» и, как таковое, «имеет право управлять сама собой, устанавливать налоги, распоряжаться своим имуществом и доходами, создавать школы для молодёжи, назначать учителей» и пр. «Такова коммуна, поскольку такова коллективная жизнь, политическая жизнь. (...) Она отрицает всякие ограничения, только она сама себя может ограничивать; любое внешнее принуждение чуждо ей и представляет собой угрозу для неё».

Как уже было отмечено, по мнению Прудона, самоуправление было несовместимо с авторитарным государством; аналогичным образом и коммуна не могла сосуществовать с централизованной властью, стоящей наверху:

«Никакой компромисс невозможен. Отведите ей какую угодно, даже самую большую долю; с того момента, как она более не зависит от своего собственного права и признаёт некий высший закон, с того момента, как более крупная группа (...), частью которой она является, будет объявлена верховной по отношению к ней, (...) неизбежно настанет день, когда коммуна окажется в противоречии с этой группой и возникнет конфликт. А если возникает конфликт, то по логике победу одержит более сильная центральная власть, без дискуссий, без суда, без переговоров; ведь дискуссии, дебаты между начальником и подчинённым недопустимы, возмутительны, абсурдны».

Бакунину удалось значительно более последовательно, чем Прудону, вписать коммуны в социальную организацию будущего общества. Ассоциации рабочих-производителей должны были свободно объединяться в рамках коммун; коммуны же, в свою очередь, должны были свободно образовывать федерации. «Спонтанность жизни и деятельности, на протяжении веков удерживаемые в узде всемогущего государства, будут возвращены коммунам в результате отречения государства от власти».

В 1880 г. местным отделением Юрской федерации округа Куртелари[56] был дан такой ответ: «Органом такой местной жизни выступает федерация профессиональных объединений, и именно эта местная федерация образует будущую коммуны». Однако, авторы этого документа охвачены сомнением и задают себе вопрос: «Кто будет составлять договор с коммуной: общее собрание всех жителей или делегации профессиональных объединений?» Они приходят к заключению, что возможны обе системы. Кому будет отдан приоритет: коммуны или профсоюзу? Этот вопрос разделит позднее, в частности, в России и в Испании, «анархо-коммунистов» и «анархо-синдикалистов».

Для Бакунина, коммуна есть прекрасный инструмент экспроприации средств производства в пользу самоуправления. В качестве компенсации за конфискованное имущество именно она на первой фазе социального преобразования общества будет давать самое необходимое всем, лишённым собственности. Внутреннюю организацию такой коммуны Бакунин описал в деталях. Она будет управляться советом, состоящим из выборных делегатов, облечённых императивными мандатами [наказами избирателей], неукоснительно несущих ответственность перед пославшими их людьми и могущих быть отозванными в любой момент. Коммунальный совет выбирает из своего состава исполнительные комитеты в каждой отрасли революционного управления коммуной. Такое распределение обязанностей между многими лицами способствует приобщению к управлению наибольшего числа рядовых участников. Это уменьшает недостатки и неудобства представительной системы, в которой небольшая группа выбранных лиц решает все задачи, а население остаётся более или менее пассивным на изредка созываемых общих собраниях. Бакунин инстинктивно понял, что советы должны быть «работающими» ассамблеями, одновременно законодательными и исполнительными, и представлять собой «демократию без парламентаризма», как намного позже охарактеризует их Ленин в один из своих «либертарных» моментов. Секция Юрской федерации округа Куртелари, в свою очередь,

поясняет эту концепцию:

«Дабы не впасть в ошибки централизованной и бюрократической администрации, мы полагаем, что общие интересы коммуны должны управляться не одной единственной местной администрацией, а различными специальными комиссиями в каждой области деятельности (...). Такой подход лишит администрацию характера постоянного правительства».

Подобная техническая специализация — плодотворная концепция. В свою очередь, надо всячески избегать коммунальной «парламентаризации». Критикуя опыт Парижской Коммуны, Кропоткин ругает народ за то, что он «ещё раз учредил в лоне Коммуны представительную систему» и «отдал свою собственную инициативу в руки собрания людей, избранных более или менее случайно». Он сокрушается, что некоторые реформаторы «всегда стремятся любой ценой сохранить правление по доверенности». Он считает, что представительный режим своё отжил. Он представлял собой форму организованного господства буржуазии и должен исчезнуть вместе с ней. «Для новой грядущей экономической фазы мы должны найти новую форму политической организации, основанную на совершенно ином принципе, нежели принцип представительства». Общество должно отыскивать формы политических отношений, которые будут ближе к людям, чем представительное правительство, формы, которые «будут в большей степени самоуправлением, управлением общества самим собой».

Эта прямая демократия, доведённая до самых крайних своих последствий, которая, как в плане экономического самоуправления, так и в плане управления территориального, устранил последние остатки какой-либо власти, является, безусловно, для любого социалиста, «авторитарного» или либертарного, искомым идеалом. Однако, вне всякого сомнения, необходимым условием для этого является такая стадия социальной эволюции, при которой массы трудящихся будут обладать необходимыми знаниями и сознанием, а параллельно с этим царство нищеты и лишений отступит перед царством изобилия. Уже в 1880 г., задолго до Ленина, секция округа Куртелари заявила: «Более или менее демократическая практика всеобщего голосования будет всё более утрачивать своё значение в научно организованном обществе».

«Государство» — спорный термин

Читатель уже знает, что анархисты отказались использовать термин «государство» даже для описания переходного периода. В этом плане различия в трактовках между «авторитариями» и либертариями не всегда были столь велики. В Первом Интернационале коллективисты, выразителем идей которых был Бакунин, иногда допускали в качестве синонима выражения «социальный коллектив» термины «обновлённое государство», «новое революционное государство» и даже «социалистическое государство». Однако вскоре анархисты поняли, что для них довольно опасно было использовать то же слово, что использовали «авторитарии», вкладывая в него при этом другой смысл. Они почувствовали, что новая концепция требовала и нового слова, что использование старого термина могло привести к опасной двусмысленности; поэтому с тех пор они перестали называть именем

«государство» социальный коллектив будущего.

Марксисты, со своей стороны, озабоченные тем, чтобы заручиться поддержкой анархистов и победно провести в Интернационале принцип коллективной собственности против последнего реакционного оплота постпрудоновских индивидуалистов, были готовы пойти на уступки в отношении лексикона. Они согласились, сжав зубы, на предложенную анархистами замену слова «государство» «федерацией» или «солидаризацией коммун». В том же духе Энгельс выговаривал своему другу и соотечественнику Августу Бебелю[57] по поводу Готской программы немецких социал-демократов. Он полагал разумным предложить, чтобы тот «повсеместно избавился от термина «государство», заменив его на Gemeinwesen — хорошее старое немецкое слово, означающее то же самое, что и французское слово Commune [коммуна]».

На Базельском конгрессе 1869 г. анархисты-коллективисты и марксисты объединились, чтобы определить, что, после того как собственность будет обобществлена, она будет управляться «солидаризованными коммунами». В одном из своих выступлений на конгрессе Бакунин расставил точки над i:

«Я голосую за коллективизацию общественных богатств, и в особенности земли, в смысле социальной ликвидации. Под социальной ликвидацией я понимаю экспроприацию всех, кто является ныне собственниками, посредством отмены юридического и политического государства, которое является санкционером и единственным гарантом собственности в том виде, в каком она сейчас существует. Что же касается последующих форм организации, (...) я выступаю за солидаризацию коммун (...) с тем большей радостью, что подобная солидаризация подразумевает организацию общества снизу вверх».

Как управлять общественными услугами?

Но достигнутый компромисс отнюдь не развеял всех двусмысленностей, тем более, что делегаты от «авторитарных» социалистов на том же Базельском конгрессе не удержались от восхваления системы государственного управления экономикой. В дальнейшем проблема оказалась особенно щекотливой и сложной, когда был затронут вопрос о крупных областях общественных услуг, таких как железнодорожный транспорт, почта и т. п. В этот момент, на Гаагском конгрессе в 1872 г., уже произошёл раскол в Интернационале между сторонниками Бакунина и сторонниками Маркса. Поэтому именно в оставшемся после раскола так называемом «антиавторитарном» или «федералистском» Интернационале и обсуждался вопрос об общественных услугах. Это вызвало новые разногласия между анархистами и более или менее «государственными» социалистами, которые, осудив Маркса за захват власти в МТР, решили остаться с анархистами в одном Интернационале.

Уже потому, что общественные услуги представляют общенациональный интерес, они, разумеется, не могут управляться только рабочими объединениями или только местными коммунами. Прудон уже пытался разрешить это затруднение, «уравновешивая» рабочее

управление «общественной инициативой», суть которой он, впрочем, пояснил слишком расплывчато. Так кто же будет управлять общественными услугами? «Федерация коммун», — отвечают либертарики; «Государство», — хотелось бы ответить «авторитариям».

На Брюссельском конгрессе Интернационала в 1874 г. бельгийский социалист Сезар де Пап попытался достичь компромисса между двумя конфликтующими точками зрения. Местные общественные службы должны были отойти к коммуна с тем, чтобы они управлялись местным административным органом, созданным рабочими синдикатами. Общественные службы более крупного масштаба должны были, по его мысли, управляться региональной администрацией, состоящей из людей, назначенных федерацией коммун и находящихся под управлением региональной палаты труда. Общественные службы общенационального масштаба управляются «государством рабочих», то есть государством, «основанным на союзе свободных рабочих коммун». Анархисты с подозрением относились к этим двусмысленным организациям, но де Пап усматривал в этом недоверии лишь недоразумение: в конце концов, разве это не было просто спором по поводу терминов? Если это было так, то он бы удовлетворился тем, что отложил слово «государство» в сторону, сохраняя и даже развивая то, что называлось этим словом, «под любым другим, более приятным названием».

Но большинству анархистов показалось, что доклад на Брюссельском конгрессе ведёт к восстановлению государства: по их мнению, по логике вещей «рабочее государство» должно неизбежно превратиться в «авторитарное государство». А если вся ссора представляет собой, действительно, лишь игру в слова, то они не понимают тогда, зачем нужно окрестить новое общество без правительства тем самым именем, которое служило для обозначения того, что предстояло отменить. Позднее, на конгрессе в Берне в 1876 г. Малатеста признал, что общественные службы непременно нуждаются в единой и централизованной организации, но отказался признать необходимость управления ими сверху, со стороны государства. Его оппоненты, как он считал, путают государство с обществом, «живым органическим телом». В 1877 г. на всеобщем социалистическом конгрессе в Генте Сезар де Пап признал, что пресловутое рабочее или народное государство «действительно, в течение некоторого периода, будет являться лишь государством наёмных работников». Но это «будет лишь переходным периодом в силу обстоятельств», по истечении которого этот докучливый некто обязательно расстанется со своими орудиями труда и передаст их непосредственно рабочим объединениям. Такая перспектива, столь же далёкая, сколь и проблематичная, не успокоила анархистов: государство никогда не отдаст того, чем оно однажды завладело.

Федерализм

Резюмируем: будущее либертарное общество должно было иметь двойную структуру — экономическую, в форме федерации самоуправляющихся рабочих объединений, и административную, в форме федерации коммун. Оставалось только увенчать, а вместе с тем и соединить воедино всё это здание в целом с помощью концепции, которая могла бы быть распространена на весь мир, — федерализма.

По мере того как мысль Прудона становилась более зрелой, в ней стала выделяться и преобладать федералистская идея. Один из его последних трудов был озаглавлен «О федеративном принципе», и мы уже знаем, что в конце своей жизни он охотнее называл себя федералистом, чем анархистом. Мы больше не живём в эпоху античных полисов, которые, кстати, уже в те времена объединялись между собой на федеративных принципах. Проблема нашего времени заключается в необходимости управления большими странами. «Если бы размеры государства, — замечает Прудон, — никогда не превышали границ города или коммуны, я бы предоставил каждому полную свободу выбора, и этим всё было бы сказано. Но не будем забывать, что речь идёт об огромных агломерациях территорий, в которых города, местечки, посёлки и хутора исчисляются миллионами». Не может быть и речи о том, чтобы общество распалось на микромиры. Необходимо единство.

Но «авторитарии» стремятся к управлению такими локальными группами по законам «завоевания». «Я же считаю, — возражает им Прудон, — что в силу самого закона единства, это абсолютно невозможно».

«Все эти группы (...) являются нерушимыми организмами (...), которые не могут быть лишены их суверенной независимости, равно как и житель города не может, в силу того, что он выступает в качестве гражданина, лишиться своих прерогатив свободного человека. (...) Всё, чего можно достигнуть, (...) — это создать непримиримый антагонизм между общим суверенитетом и каждым из частных суверенитетов, заставить одну власть восстать против другой; одним словом, воображая, что развиваешь единство, создавать раскол».

При такой системе «унитарного поглощения» городки или естественные группы будут «всегда приговорены к исчезновению в лоне более крупного населённого пункта, агломерации, которую можно назвать искусственной». Централизация, заключающаяся в «удержании в рамках правительственного нераздельного владения групп, которые природа создала автономными», представляет собой «для современного общества подлинную тиранию». «Это система, характерная для империализма, коммунизма, абсолютизма», — распаляется Прудон, добавляя одно из тех обобщений, на которые он был большой мастак: «Все эти слова — синонимы».

Напротив, единство, истинное единство, централизация, истинная централизация, были бы нерушимы, если бы правовая связь, договор о взаимопомощи и обоюдности, пакт о федерации были бы заключены между различными территориальными единицами.

«Централизация общества свободных людей (...) обуславливается и обеспечивается договором. Социальное единство (...) есть результат свободного объединения граждан. (...) Для того чтобы нация проявилась в своём единстве, необходимо, чтобы это единство было централизовано (...) во всех его функциях и правах; нужно, чтобы централизация осуществлялась снизу вверх, от окружности к центру, и чтобы все функции были независимы и управлялись каждая по себе. Централизация тем сильнее, чем больше множатся её очаги».

Федеративная система является противоположностью правительственной централизации. Власть и свобода, два вечно борющихся принципа, вынуждены всегда идти на соглашение

друг с другом. «Федерация разрешает все трудности, возникающие из соглашения между свободой и властью. Французская революция заложила предпосылки нового порядка, секретом которого обладает её наследник, рабочий класс. Этот новый порядок, новое устройство, заключается в следующем: объединить все народы в «конфедерацию конфедераций». Выражение употреблено неслучайно: «всемирная конфедерация» было бы слишком огромно; нужно, чтобы крупные объединения федерировались бы между собой. И любящий пророчество Прудон провозглашает: «Двадцатый век откроет эру федераций».

Бакунин лишь развил и усилил федералистские идеи Прудона. Подобно Прудону, он признавал превосходство федеративного единства перед единством «авторитарным»: «Когда ненавистная мощь государства больше не будет принуждать личности, объединения, ассоциации, коммуны, области, районы жить вместе, они будут гораздо более тесно связаны и образуют значительно более живые, более реальные, более мощные единства, чем те, что их заставляют образовывать сегодня под одинаково давящим и изнурительным для всех гнѐтом государства». Авторитарии «вечно смешивают (...) формальное, догматическое и правительственное единство с единством живым и реальным, которое может возникнуть лишь из наиболее свободного развития всех личностей и всех коллективов и из федеративного и абсолютно свободного союза (...) рабочих ассоциаций в коммуны, а затем коммун в регионы, регионов в нации».

Бакунин настаивает на необходимости промежуточного звена, своего рода эстафеты, между коммуной и национальным федеративным органом: на провинции или регионе, свободной федерации автономных коммун. Но не надо думать, что федерализм приведѐт к изоляции, к эгоизму. Солидарность неотделима от свободы. «Коммуны, оставаясь абсолютно автономными, ощущают себя (...) солидарными между собой и, ни в чем не умаляя своей свободы, тесно объединяются». В современном мире моральные, материальные и интеллектуальные интересы создали реальное и мощное единство между различными частями одной нации и между разными нациями. И именно это единство переживѐт государство.

Федерализм, однако, — это палка о двух концах. Во время Французской революции федерализм жирондистов[58] был реакционным, роялистская школа Шарля Морраса[59] выступала в защиту «регионализма». В некоторых странах, таких как США, федеральная конституция использовалась теми, кто лишал цветное население гражданских прав. Бакунин считал, что только социализм может придать федерализму революционное содержание. По этой причине его испанские последователи выказали не очень большой энтузиазм в отношении буржуазной федералистской партии Пи-и-Маргалья,[60] который называл себя прудонистом, и даже в отношении её «кантоналистского» левого крыла в период краткого и неудачного существования республики 1873 г.

Интернационализм

Из федералистского принципа логически вытекает интернационализм, то есть федеративная организация наций «в большой и братский интернациональный союз людей». Бакунин и здесь изобличает буржуазную утопию федерализма, не основанного на

интернационалистском и революционном социализме. Он значительно опередил свою эпоху и был, как сказали бы сегодня, «европейцем»; он уповает на Соединённые Штаты Европы, единственный организм, способный «предотвратить гражданскую войну между различными народами, входящими в европейскую семью». Но он предостерегает против европейской федерации, которая объединила бы государства «в том виде, в каком они существуют сейчас».

«Ни одно централизованное бюрократическое, а, значит, военное, государство, пусть даже и именуемое республикой, никогда не вступит вполне искренне и с серьёзными намерениями в какую-либо международную конфедерацию. По самой своей сути такое государство, которое является открытым или тайным отрицанием всякой внутренней свободы, в каждый момент является постоянным объявлением войны, угрозой существованию соседних с ним стран». Потому любой союз с реакционным государством стал бы «предательством революции». Соединённые Штаты Европы, а затем и всего мира, возможны только после того, как будет сброшен старый порядок, целиком строящийся на насилии и принципе централизованной власти. С другой стороны, любые отдельно взятые страны, где социальные революции увенчались успехом и где они были построены по одинаковым принципам, должны свободно объединиться в революционную федерацию, несмотря на существующие ныне границы.

Подлинный интернационализм основывается на самоопределении и его неизбежном следствии — праве на отделение. «Любой индивид, — развивает Бакунин мысль Прудона, — любая ассоциация, любая коммуна, любая область, любой регион, любая нация имеют абсолютное право располагать и распоряжаться самими собой, объединяться или же не объединяться, вступать в союз с кем захотят и разрывать соглашения без какого-либо так называемого исторического права и независимо от обычаев их соседей». «Право на свободное объединение, равно как и на свободное отделение, является первым, наиважнейшим из всех политических прав, без которого конфедерация всегда будет лишь замаскированной централизацией».

Но по мысли анархистов подобный принцип вовсе не порождён раскольничеством или изоляционизмом. Напротив, они «убеждены в том, что по признании права на отделение, отделение будет невозможным, поскольку национальные единства, перестав быть результатом насилия и исторической лжи, станут образовываться свободно». Тогда, и лишь тогда, они станут «действительно сильными, плодотворными и нерасторжимыми».

Позднее Ленин, а затем первые съезды Третьего Интернационала позаимствуют у Бакунина эту концепцию, которую большевики положат в основу своей национальной политики и антиколониальной стратегии. Но, в конечном счёте, они откажутся от неё в пользу авторитарной централизации и перекрашенного империализма.

Деколонизация

Отметим, что федерализм по логике вещей привёл его основателей к пророческому предвосхищению проблемы деколонизации. Различая «завоевательное» единство и

единство «рациональное», Прудон замечает, что «любой организм, выходящий за свои точные пределы и стремящийся к захвату или аннексии прочих организмов, теряет в силе то, что выигрывает в размере, и движется к собственному распаду». Чем более город (читай: нация) расширяет своё население и свою территорию, тем больше он приближается к тирании и, в конечном счёте, к распаду.

«Предположим, что он образует рядом с собой, на некотором расстоянии, придатки, колонии: рано или поздно эти колонии или придатки превратятся в новые города, которые сохранят с материнским городом лишь федеративную связь или же не сохранят её вовсе. (...) Когда новый город сможет сам себя обеспечить, он сам провозгласит свою независимость: по какому праву материнский город обращается с ним как с вассалом, как со своим хозяйством, своей собственностью? Так, в наши дни Соединённые Штаты освободились от Англии; Канада также освободилась, по крайней мере, фактически, если и не официально. Австралия также находится на пути к отделению по взаимному согласию с материнской державой. Точно так же рано или поздно Алжир будет конституционно признан африканской Францией, только если мы в силу низких и эгоистических мотивов не будем продолжать удерживать его в нашей власти с помощью силы и нищеты».

Бакунин также устремляет свой взор на слаборазвитые страны. Он сомневается в том, что империалистическая Европа «сможет удержать в рабстве восемьсот миллионов азиатов». «Восток со своими восьмьюстами миллионами усыпленных и поработённых людей, составляющими две трети человечества, конечно же, будет вынужден проснуться и прийти в движение. Но в каком направлении и для чего?»

Он открыто провозгласил «свои симпатии к любому национальному восстанию против любого угнетения». Он предлагает угнетённым народам вдохновляющий пример национального восстания испанцев против Наполеона: несмотря на громадный перевес императорских войск над отрядами повстанцев-партизан, захватчикам не удалось насадить своей власти, и после пятилетней борьбы это закончилось изгнанием французов из Испании.

Каждый народ «имеет право быть самим собой, и никто не имеет права навязывать ему свою одежду, свои обычаи, свой язык, свои мнения и свои законы». Но, по его мнению, не может быть истинного федерализма без социализма. Он желает, чтобы национальное освобождение происходило «как в политических, так и в экономических интересах народных масс», а «не с честолюбивым намерением образовать мощное государство». Любая революция за национальную независимость, «происходящая вне народа, а, следовательно, неспособная восторжествовать без поддержки привилегированного класса (...), будет непременно направлена против народа» и будет, следовательно, «движением ретроградным, пагубным, контрреволюционным».

Было бы прискорбно, если бы деколонизированные страны освобождались от внешнего бремени лишь для того, чтобы попасть под местное политическое и религиозное иго. Чтобы освободить такие страны, необходимо «уничтожить в их народных массах веру в любую власть, как божественную, так и человеческую». Национальный вопрос исторически отступает перед социальным вопросом. Нет другого спасения, кроме как в социальной революции. Успех отдельной, изолированной, национальной революции невозможен. Социальная революция непременно должна стать революцией мировой.

Бакунин предвидел, что вслед за деколонизацией последует создание всё более широкой международной федерации революционных народов: «Будущее за созданием европейско-американского интернационального союза. Затем, уже значительно позже, эта великая европейско-американская нация сольётся с азиатской и африканской агломерацией».

Этот анализ приводит нас к преддверию XXI века.

Версия #1

Зверобой создал 10 апреля 2025 23:13:46

Зверобой обновил 10 апреля 2025 23:18:09